

Татьяна Ивановна Вендина

Институт славяноведения Российской академии наук

Москва

vendit@rambler.ru

Изоглоссы в славянском языковом мире*

Реферат: Статья посвящена проблеме хронологической интерпретации славянских лексических изоглосс. Автор доказывает, что они имеют разный типологический статус и, соответственно, разный классификационный вес, если их рассматривать в пространственном контексте.

Ключевые слова: славянская диалектология, сравнительно-историческое языкознание, лингвистическая география.

Abstract: Isoglottic Lines in Modern Slavia. The article deals with the chronological interpretation of Slavic lexical isoglottic lines. The author considers that they have a different status and typological classification therefore different weight when viewed in a spatial context.

Keywords: slaviolectology, comparative and historical linguistics, linguistic geography,

Название этой статьи созвучно теме доклада И.А. Бодуэн де Куртене, с которым он выступил на I съезде славистов. И это не случайно. Поддерживая идею А. Мейе о создании Общеславянского лингвистического атласа, он говорил лишь о фонетических изоглоссах, тогда как лексические оставил без внимания. Объяснить это можно, по-видимому, тем, что в сравнительно-историческом языкознании еще со времен младограмматиков довольно прочно укоренилось скептическое отношение к фактам лексики и словообразования как к фактам, которые в силу своей мозаичности и повышенной языковой проницаемости не позволяют провести ареальную классификацию того или иного диалектного континуума. Кроме того, славистика тогда не располагала данными о древних лексических изоглоссах (не случайно во многих сравнительных грамматиках славянских языков в качестве иллюстрации праславянских диалектизмов приводились одни и те же лексемы, в частности, такие, как *бук, береза, лиса, заяц, ворон, лосось*).

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 11-04-000-11 «Наименование обычаев в славянских диалектах. Лингвогеографический аспект»)

Известно также, что и позднее праславянская «словарная коллекция» довольно долгое время создавалась в отрыве от ее лингвогеографической проекции. Из-за отсутствия достоверных материалов и надежных сведений по древним лексическим изоглоссам словарный состав праславянского языка воспринимался не дифференцированно: «достаточно было фиксации какой-либо лексемы в двух из трех ныне существующих групп славянских языков (западной, южной или восточной), чтобы, при отсутствии показателей поздней инновации, отнести ее к общему праславянскому лексическому фонду» (Толстой 1997, 111).

Однако с выходом в свет Общеславянского лингвистического атласа ситуация в корне изменилась. Материалы Атласа доказали, что оперирование многочисленными лексическими изоглоссами, в количественном отношении во много раз превосходящими фонетические, дает исследователю возможность быть более объективным в восстановлении сложной картины схождения и расхождения родственных диалектов праславянского языка, нежели при использовании фонетических данных.

Каждый лексико-словообразовательный том Атласа включает в себя целую серию древних лексических диалектизмов, имеющих нередко эксклюзивные сепаратные связи, поскольку та или иная лексема «самым причудливым образом всплывает на разных концах Славии, объединяя порой неблизкие диалекты между собой и даря нам, таким образом, фрагменты древней лингвистической географии с ее проницаемостью диалектных границ» (Трубачев 2003, 19). В этом смысле Атлас содержит бесценную информацию об ареалах многочисленных явлений, локализация которых ранее была неизвестна в славистике.

Кроме того, Атлас дает возможность наглядно увидеть то, что трудно уловимо при монографическом описании славянских диалектов или при составлении словарей, ибо он позволяет выявить пространственную локализацию межъязыковых схождения, и, что самое главное, оценить их с ареальной точки зрения, так как эти схождения могут иметь разный характер – очаговый или системный, т.е. они могут охватывать значительные ареалы, отражая сложные отношения между двумя и/или более диалектами. Атлас обогатил славистику не только новым, четко стратифицированным материалом, позволяющим с высокой степенью достоверности создать фонд праславянских лексических единиц, но и предоставил исследователям еще одну уникальную возможность, ранее совершенно нереальную – рассмотреть те или иные диалекты в общеславянском контексте, став бесценным источником для изучения истории формирования современных славянских языков и диалектов.

Следует, однако, отметить, что ареальные характеристики лексики, представленной в Атласе, являются часто довольно сложными, демонстрирующими наложение и пересечение векторов изоглосс, имеющих различные направления. Поэтому топография славянских изоглосс, их реальная пространственная «наполненность» оказывается не одинаковой, что свидетельствует об их разном историческом прошлом и соответственно разной хронологии. В этом смысле научная ценность Атласа заключается в том, что общеславянская перспектива дает возможность понять, какие из этих изоглосс продолжают отношения исходной системы, а какие свидетельствуют о неодинаковой реализации системы связей

и отношений, унаследованных из праславянской эпохи. Это положение является чрезвычайно важным, так как карты Атласа показали, что эксплицированный на них материал в хронологическом плане оказывается разнородным: изоглоссы межславянских лексических соответствий проецируются в разновременные плоскости:

– одни из них детерминированы факторами генетического порядка (они имеют глубокие корни и восходят часто к периоду праславянской языковой общности);

– другие определяются факторами ареально-типологическими, связанными с независимым и параллельным развитием сходного явления;

– третьи – факторами пространственно-генетическими (они во многом порождены явлением интерференции славянских диалектов и восходят к эпохе самостоятельного развития славянских языков).

А это значит, что праславянские лексические единицы сосуществуют на картах Атласа в одном хронологическом срезе с более поздними образованиями, являющимися фактом уже собственной истории отдельных славянских языков. Поэтому перед читателем предстает довольно сложная ареалогическая картина связей и отношений славянских диалектов. Для осмысления этой картины простое суммирование славянских изоглосс мало что дает, ибо происходит отождествление разных по времени изоглосс, которые отличаются друг от друга и по своей древности, и по устойчивости, и по количеству и употребительности охватываемых ими слов, и по своему значению для разных уровней языка (см., например, Жирмунский 1954, 23).

В этом отношении чрезвычайно важным диагностирующим признаком при определении хронологии является ареал, его характер (т.е. является ли он общеславянским или локально ограниченным), а также место его локализации. Пространственная характеристика ареала многое проясняет в природе выявленных схождения, поскольку именно пространственный контекст во многом определяет статус ареала, ибо он может свидетельствовать как об архаичности, так и о вторичности картографируемого языкового явления.

Объективность этого критерия доказывает тот факт, что «распространение того или иного слова происходит не в его собственных границах» (как об этом когда-то скептически писал Н.С. Трубецкой¹, говоря об ограниченных возможностях лингвистической географии), а определяется повторяющимися закономерностями, позволяющими говорить о типологии ареалов.

Лингвогеографический анализ славянских изоглосс свидетельствует о том, что они имеют разный типологический статус и соответственно разный классификационный вес, если их рассматривать в пространственном контексте, в котором они существуют, так как **один и тот же ареал, но в разном пространственном контексте может иметь разную интерпретацию с точки зрения его хронологической отнесенности.**

¹ «Всякое отдельно взятое слово, которое обнаруживает какое-то звуковое изменение, распространяется в своих собственных границах и поэтому границы географического распространения звуковых изменений никогда не могут быть установлены надежно и точно» (Трубецкой 1987, 32).

В качестве примера можно привести ситуацию, которая довольно часто встречается в **восточнославянском диалектном континууме**.

На картах атласа нередко наблюдается такой ареальный сценарий, когда языковое явление плотно покрывает всю восточнославянскую территорию. Это т.н. **системный** или сплошной ареал, причем этот ареал может существовать в разных пространственных контекстах:

– **в общеславянском** (когда языковое явление имеет не только восточнославянское, но и общеславянское распространение, при этом лексема равномерно покрывает всю территорию Славии), ср., например, ареалы таких праславянских лексем, как *vod-a²*, *kon-j-ь*, *pol-j-e*, *mor-j-e* т. 5 «Рефлексы *о»; *zem-j-a*, *med-ь*, *sestr-a*, *vesel-bj-e* т. 6 «Рефлексы е» и др.); сюда же относятся такие ареальные сценарии, когда лексема не имеет тотального общеславянского распространения, но представлена в диалектах всех трех славянских языковых групп (ср., ареалы таких праславянских лексем, как *měk-a* к. 11 ‘мука, из которой пекут хлеб’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *pros-i-tь* к. 68 ‘просит’ т. 9 «Человек»; *sq-sěd-ь* к. 2 ‘сосед, человек, живущий в соседнем доме’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» и др.;

– **в западнославянском** (когда языковое явление плотно покрывает восточную и западную Славию), ср., например, ареалы таких лексем, как *nož-ik-ь* к. 20 *dem* ‘ножик, ножичек’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *poiríž-ьn-ь* к. 3 ‘пустой, ненаполненный’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *glin-j-an-ь* к. 50 ‘сделанный из глины’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *uš-ьk-o* к. 15 *dem* ‘ухо’ т. 9 «Человек»; *rěč-ьk-a* к. 32 *dem* ‘рука’ т. 9 «Человек»; *pal-ьc-ь* к. 34 ‘палец руки’ т. 9 «Человек»; *nož-ьk-a* к. 43 *dem* ‘нога’ т. 9 «Человек»; *slov-o* к. 76 ‘слово’ т. 9 «Человек»; *gor-ьk-a* к. 28 *dem* ‘гора’ т. 5 «Рефлексы *о» и др.;

– **в южнославянском** (когда языковое явление имеет плотный ареал в восточнославянских и в южнославянских диалектах), ср. распространение лексем *rěž-e-tь* к. 17 ‘режет’ (хлеб) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *lic-e* к. 2 ‘лицо’ т. 9 «Человек»; сюда же можно отнести и ареал лексемы *sel-o* к. 1 ‘небольшой сельский населенный пункт’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: лексема имеет плотный ареал в восточнославянских диалектах и практически во всех южнославянских, за исключением словенских, где приблизительно с XV в. широко распространяется лексема *vs-b*; на былое существование лексемы *selo* в словенских диалектах указывают многочисленные дериваты с этим корнем, ср. *dem. selce; seljak, seljan, selski, naselje*, а также топонимы *Selo, Selce* и др. (Bezljaj, 225); *gor-d-ь* к. 45 ‘город’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь», лексема широко распространена в восточно- и южнославянских диалектах (за исключением словенских, где в XIV в. в топонимии появляется лексема *měst-o*, ср. *Novo Mesto*, а с XVI в. она получает широкое распространение и в апеллативах, Bezljaj, 179); о былом существовании лексемы *gor-dь* в словенских диалектах указывают

² Примеры приводятся в морфонологической транскрипции, принятой в ОЛА. Морфонологическая транскрипция позволяет обобщить фонетические записи, сделанные в полевых условиях в том или ином диалекте, с целью их прямого сопоставления с другими славянскими диалектами.

прежде всего топонимы (ср. *Podgrad, Zagrad, Stari grad, Slovenj Gradec*, а также производные с этим корнем, ср. *graščan, gra(j)ščina, gra(j)ščak, gra(j)ščakinja*, Bezlaj I, 168);

– **вне этого контекста** (когда языковое явление не выходит за пределы восточной Славии), ср. распространение таких лексем, как *skor-o-lup-a, skor-o-lup-ъk-a* к. 41 ‘скорлупа’ (яйца) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *ob-ěd-a-j-e-tь* к. 60 ‘ест обед’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *съ-kaž-e-tь* к. 64а ‘скажет’ (слово) т. 9 «Человек»; *běd-ьn-ost-ь* к. 62 ‘бедность, нужда’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *o-χ//ot-ьn-ik-ъ* к. 56 ‘человек, который охотится’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *deš-ev-ъ* к. 54 ‘дешевый’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *plot-ьn-ik-ъ* к. 4 ‘человек, который строит деревянный дом’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» и др.

Первое, что следует отметить, ареалы всех этих лексем в восточнославянских диалектах повторяются, все рассмотренные ареалы являются системными (или сплошными), т.е. они плотно покрывают территорию восточнославянских диалектов. И это само по себе является значимым, так как позволяет отвести фактор случайности. Однако статус этих системных ареалов оказывается разным в зависимости от того, в каком пространственном контексте они существуют, ибо один и тот же тип ареала имеет разную интерпретацию в плане его хронологической отнесенности.

1. Так, например, **системный восточнославянский ареал в общеславянском контексте** (*kon-j-ь*) может служить иллюстрацией праславянских языковых отношений. Системный характер ареалов праславянских лексем, равномерно покрывающих всю территорию Славии, являются убедительным свидетельством их архаичности.

Все эти лексем являются праславянскими, более того многие из них имеют и-е параллели, ср.: **morje* < и-е **mōri* (Фасмер II, 654); **kora* < и-е **(s)ker-/ (s)kēr-/ (s)kor-* (Фасмер II, 321); **medъ* < и-е **medhu-* (Фасмер II, 589); **polje* < и-е **p(e)lā-* или **pel-/pol-* (Фасмер – Трубачев III, 307); **pero* < и-е **per-, pet-* (Фасмер – Трубачев III, 243); **(j)ezero/*ozero* < и-е **eǵhero-* (Фасмер – Трубачев III, 125); **(j)elень/*olень* < и-е **el-* (Фасмер III, 134); **beretъ* < **bьrati* < и-е **bher-* (Фасмер – Трубачев I: 159); **zemja* < и-е **ǵhđem-, *ǵhđom-* (Фасмер II, 93); **solъ* < и-е **sal-* (Фасмер III, 715); **sestra* < и-е **sue- (*se)*, **sor-* (Фасмер – Трубачев III, 612); **snopъ* < и-е **(s)nē(u)-* (Фасмер III, 700); **rogъ* < и-е **rogo-s* (Фасмер III, 489); **rosa* < и-е **ere-s-/rēs-/rōs-* (Фасмер III, 503).

2. **Системный восточнославянский ареал в западнославянском контексте** (*gor-ъk-a*) свидетельствует о том, что ареалы этих лексем сформировались, по видимому, в позднепраславянский период, когда южнославянские диалекты были уже отрезаны от севернославянских, но до окончательного распада славянского языкового единства. Показательно также, что многие из корреспондирующих восточно-западнославянских лексем представлены словообразовательными деминутивами (*uš-ъk-o* к. 15 *dem* ‘ухо’ т. 9 «Человек»; *roč-ъk-a* к. 32 *dem* ‘рука’ т. 9 «Человек»; *nož-ъk-a* к. 43 *dem* ‘нога’ т. 9 «Человек»; *gor-ъk-a* к. 28 *dem* ‘гора’ т. 5 «Рефлексы *o» и др.), которые сами по себе являются вторичными по отношению к своим производящим, что является еще одним доказательством позднего фор-

мирования их ареалов, а наличие в сравниваемых языках общих инноваций, в соответствии с постулатом лингвистической географии, является свидетельством предшествующего им диалектного континуума, т.е. совместного пути развития, продолжавшегося еще в относительно позднюю эпоху. Отсутствие этих лексем в южнославянских диалектах, при том, что в восточно- и западнославянских языках их ареал является плотным, невольно наталкивает на мысль о существовании в позднепраславянском восточно-западнославянском единства, в рамках которого протекали совместные языковые процессы. О существовании такого единства косвенно свидетельствует и тот факт, что среди лексем, имеющих общеславянское распространение, особенно много тех, которые имеют разрушенный ареал именно в южнославянских диалектах, тогда как в восточно- и в западнославянских он до сих пор остается монолитным (ср., например, ареалы лексем *он-ъ, он-а, ogn-ъ, ovъs-ъ, pot-ъ, bob-ъ, voj-ъn-a, stol-ъ, dom-ъ kost-ъ, dъn-o, gor-a, sox-a, nog-a, kopyt-o* т. 5 «Рефлексы *o» или *(j)ezъ-ъ / ožъ-ъ, led-ъ, med-j-a, nes-l-ъ, pepel-ъ / popel-ъ* т. 6 «Рефлексы *e»).

3. **Системный восточнославянский ареал в южнославянском** контексте (*lic-e*) свидетельствует о том, что перед нами древние диалектизмы, ареал которых сложился еще до того, как венгерские племена вклинились между словаками и южными славянами, вследствие чего южнославянские диалекты оказались оторваны от севернославянских.

В отличие от предшествующего ареального сценария, лексемы, представляющие этот тип ареала, являются праславянскими, имеющими нередко и-е параллели (ср. **selo* < и-е **sedlo* (Фасмер III: 596); **gorъdъ* < и-е **ghordh- / ĝhordho* ЭССЯ 7: 36); **rězetъ* < **rězati* < и-е **urĕg' / *urōg'* (Фасмер III: 461).

4. **Системный восточнославянский ареал вне славянского** контекста (*ob-ĕd-a-j-e-tъ, skor-o-lup-a, sъ-kaž-e-tъ, o-χ//ot-ъn-ik-ъ, deš-ev-ъ, ĕd-a*) свидетельствует о том, что он сформировался еще до распада восточнославянского языкового единства, т.е. является древним восточнославянским диалектизмом³.

Таким образом, статус системного восточнославянского ареала оказывается **разным** в зависимости от того, в каком пространственном контексте он существует, ибо **один и тот же тип ареала может иметь разную интерпретацию в плане его хронологической отнесенности**. А это значит, что между типом ареала, его локализацией в пространстве и временем образования существует определенная связь.

На картах Атласа присутствует и обратная ситуация, когда **в одном и том же пространственном контексте существуют разные ареалы, однако они имеют одну и ту же интерпретацию**. Этот ареальный сценарий встречается реже. Однако он также повторяется. В качестве примера можно привести следующие ареальные сценарии **общеславянского контекста**.

³ Ограниченный объем статьи позволил привести лишь некоторые примеры (подробнее см. Вендина 2011, 63–160).

1. **Системный** (или сплошной) ареал: когда лексема имеет общеславянское распространение и равномерно покрывает всю территорию Славии.

Эта ситуация характерна в основном для фонетических карт Атласа, где исключена лексическая вариативность, так как предметом картографирования является рефлекс той или иной праславянской фонемы, представленной именно в данной словоформе, ср., например, распространение таких лексем, как *vod-a*, *kon-j-ь*, *osm-ь*, *pol-j-e*, *mor-j-e*, *moj-ь*, *moj-a*, *sol-ь*, *snop-ь*, *rog-ь*, *ros-a*, *kor-a* и др. в фонетическом томе «Рефлексы *о» или распространение лексем *zem-j-a*, *med-ь*, *sedm-ь*, *šest-ь*, *tret-ьj-ь*, *vesel-ьj-e*, *ber-e-tь*, *devet-ь*, *(j)ezero / ozero*, *(j)elen-ь / olen-ь*, *per-o*, *sestr-a* и др. в томе «Рефлексы *е», которые представлены на всем пространстве terra Slavia.

2. **Разреженный** (или дискретный), когда ареал общеславянской лексемы не является плотным, однако она представлена во всех славянских диалектах, ср., например, распространение такой праславянской лексемы, как **ov-ьc-a* к. 5 т. 5 «Рефлексы *о»: лексема широко распространена в западнославянских, в южнославянских, а также в русских диалектах; в украинских и белорусских диалектах ее ареал является ограниченным: в украинских диалектах она локализуется в основном в юго-восточных и юго-западных говорах и отсутствует в говорах Полесья; в белорусских диалектах она имеет небольшие островные ареалы на юге среднебелорусских говоров; в украинских и особенно в белорусских диалектах широкое распространение получила лексема *ov-ьč-ьk-a*.

Сходный ареал имеет и лексема **žen-a* к. 57 т. 6 «Рефлексы *е», которая имеет общеславянское распространение, однако в украинских и белорусских диалектах она активно вытесняется лексемой **žen-ьk-a*.

3. **Разрушенный**, когда ареал картографируемой лексемы в одних славянских диалектах является плотным, а в других – островным, причем нередко латеральным, ср., например, ареалы таких общеславянских лексем, как *večer-j-a* к. 62 ‘ужин, вечерняя еда’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» или *oč-i* к. 6 ‘глаза человека’ т. 9 «Человек»; лексема *večer-j-a* имеет обширный ареал в южно- и западнославянских диалектах, а также в украинских и белорусских; в русских диалектах он является латеральным, так как ее распространение ограничено в основном южнорусскими говорами, причем преимущественно смоленскими, брянскими и примыкающими к ним с юга белгородскими.

Сходный ареал имеет и лексема *oč-i* к. 6 ‘глаза человека’ т. 9 «Человек», которая отмечена в южнорусских смоленских и брянских говорах, тогда как в белорусских и особенно в украинских диалектах эта лексема имеет широкое распространение. О том, что этот ареал в восточнославянских диалектах является разрушенным, свидетельствует тот факт, что все эти лексемы зафиксированы в памятниках древнерусской письменности, т.е. они были известны русскому языку на ранних этапах его развития.

4. **Островной**, когда ареал картографируемой лексемы во всех славянских диалектах является фрагментарным, ср., например, распространение лексемы *sěr-a* к. 32 ‘молоко коровы сразу после отела, молозиво’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», ареал которой во всех славянских языках является ограниченным.

Таким образом, несмотря на то, что ареалы всех этих праславянских лексем являются разными, общеславянский характер их распространения не может не свидетельствовать в пользу архаичности их ареалов, которые со временем подверглись разрушениям. Их статус является самым высоким в типологии славянских ареалов, поскольку они являются живым свидетельством диалектальности праславянского языкового континуума.

Из приведенного материала видно, что история лингвистического пространства лексем, имеющих общеславянское распространение, повторяется в различных ареальных сценариях. Она красноречиво свидетельствует о том, что разные ареалы в одном и том же пространственном контексте могут иметь одну и ту же временную интерпретацию. Этот вывод полностью согласуется и с данными этимологических словарей, указывающих на то, что все эти лексемы принадлежат к праславянскому лексическому фонду, более того, все эти лексемы имеют и-е соответствия, что также подтверждает их праславянскую древность (ср. **oko*, **oči* < и-е **okʷ* Фасмер III, 128; **ovьca* < и-е **ovikā* Фасмер III, 116; **žena* < и-е **genā* Фасмер II, 46; **peretь* < и-е **per-* Фасмер III, 240; **večerja* < и-е **veker-* Фасмер I, 309); **morje* < и-е **mōri* (Фасмер II, 654); **kora* < и-е **(s)ker-/ (s)kēr-/ (s)kor-* (Фасмер II, 321); **medь* < и-е **medhu-* (Фасмер II, 589); **polje* < и-е **p(e)lā-* или **pel-/pol-* (Фасмер – Трубачев III, 307); **pero* < и-е **per-, pet-* (Фасмер – Трубачев III, 243); **(j)ezero/*ozero* < и-е **eǵhero-* (Фасмер – Трубачев III, 125); **(j)elenь/*olень* < и-е **el-* (Фасмер III, 134); **beretь* < **bьrati* < и-е **bher-* (Фасмер – Трубачев I, 159); **zemja* < и-е **ǵhđem-, *ǵhđom-* (Фасмер II, 93); **solь* < и-е **sal-* (Фасмер III, 715); **sestra* < и-е **sye-* (**se*), **sor-* (Фасмер – Трубачев III, 612); **snopь* < и-е **(s)nē(u)-* (Фасмер III, 700); **rogь* < и-е **rogo-s* (Фасмер III, 489); **rosa* < и-е **ere-s-/rēs-/rōs-* (Фасмер III, 503).

Существование различных типов ареалов в славянских диалектах является ярким свидетельством процесса их постоянного изменения и языковой эволюции. Это еще раз подтверждает тезис о том, что ареалы – это пространственно-временные образования, ибо время – лишь одна из форм существования материи, тогда как другой ее формой является пространство. И разные временные фазы находят соответствия в своих пространственных структурах.

Поэтому именно пространство является центральным понятием для всего комплекса проблем, связанных с диалектным членением языковой общности, «именно оно структурирует многообразные микросистемы тех языков, которые по ряду причин оказались втянутыми в данное языковое пространство, накладывая на них неизгладимый отпечаток пространственной характеристики» (Макаев 1965, 18).

Вместе с тем следует отметить, что формально-картографические признаки ареала не следует абсолютизировать, так как на картах Атласа встречаются и такие случаи, когда общеславянское распространение имеет лексема, заимствованная из неславянских языков. Именно такой пример является собой лексема (*doktor*)-ъ, (*dokt*)-ur-ъ, (*dokt*)-ar-ъ, (*dokt*)-er-ъ к. 28 ‘человек, который лечит’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь», заимствованная из латинского языка (лат. doctor). Несмотря на то, что она имеет общеславянское распространение, во всех славянских диалектах ее ареал ограничен более древними, собственно славянскими названиями, из которых наиболее распространенными являются лек-

семьи *vyr-acъ-b* (восточнославянские диалекты) и *lěk-arъ-b* (большинство южнославянских, а также восточно- и западнославянских диалектов).

Этот факт свидетельствует о том, что формально-пространственные признаки ареала должны быть дополнены собственно лингвистическими критериями, позволяющие диагностировать относительную хронологию изоглосс. Более того, как показал анализ материала, один и тот же ареал может иметь разный статус в зависимости от типа репрезентирующих его лексем. И здесь активно работают такие признаки, как тип основы корреспондирующих лексем (производный/непроизводный); наличие/отсутствие дериватов, однокоренных с корреспондирующими лексемами; локализация дериватов (в рамках одной или разных языковых групп); наличие/отсутствие явления конкуренции с другой лексемой в данном ареале; характер значения корреспондирующих лексем (прямое или переносное), их этимология (в частности наличие или отсутствие и-е соответствий); характер диалектного противопоставления, представленного на карте (двучленное или многочленное) и т.д. (подробнее об этом см. Вендина 2010, 3).

Так, например, на картах Атласа нередко наблюдается следующая картина: лексема представлена в диалектах всех трех славянских языковых групп, однако в каждой языковой группе ее ареал является ограниченным, ср. распространение лексем:

– *gov-əd-in-a* к. 22 ‘мясо коровы или вола’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет плотный ареал в русских, словенских, хорватских и сербских диалектах, разреженный в украинских и белорусских и точечный в македонских (п. 93), словацких (п. 233) и польских (п. 303);

– *mē lz-iv-o* к. 32 ‘молоко коровы сразу после отела, молозиво’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема широко распространена в русских, украинских, чешских и западнословацких диалектах, кроме того, она имеет островные ареалы в белорусских, словенских, хорватских диалектах и точечные в польских говорах, жители которых являются переселенцами с восточнославянских территорий (п. 238).

Сохранение этих праславянских лексем в диалектах всех трех славянских языковых групп, несмотря на ограниченный характер их ареалов, наличие и-е параллелей (*govədina* производное с суф. – *in-a* от *govədo* < и-е *g^uδ_{us}- ЭССЯ 7, 74; *mē lz-iv-o* производное с суф. – *iv* от глагола *mē lzti* < и-е *mēlǵ- ЭССЯ 18, 95) свидетельствует о том, что их ареалы могли сформироваться еще в праславянский период, однако в дальнейшем подверглись разрушениям.

Сходный ареальный сценарий имеют следующие лексемы:

– *nož-ičъkъ-b* к. 20 *dem* ‘ножик, ножичек’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет плотный ареал в русских и белорусских диалектах, разреженный в украинских и чешских, а также островной в польских, словацких и словенских;

– *aj-ъčъk-o* к. 40 *dem* ‘(j)aje’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема широко распространена в украинских, белорусских и польских диалектах, кроме того, она имеет островные ареалы в русских (в западных говорах, граничащих с украинскими и белорусскими) и точечный ареал в словенских диалектах (п. 3).

Однако интерпретация этих ареалов будет иная.

Производный характер этих лексем, являющихся деминутивами от более древних основ (а в данном случае даже двойным деминутивом), свидетельствует о том, что их ареалы являются поздним образованием. Несмотря на то, что они локализируются в диалектах всех трех славянских языковых групп, их праславянская древность проблематична.

Эти примеры, как представляется, являются убедительным доказательством того, что только совокупность топографических и лингвистических признаков позволяет соотнести генетический и ареальный критерий и установить относительную хронологию выявленных изоглосс.

В связи с этим следует отметить, что на современном уровне развития лингвистической географии следует начать инвентаризацию славянских изоглосс с учетом формально-картографических и лингвистических критериев. Это позволит провести каталогизацию ареальных сценариев с тем, чтобы выявить закономерности в их организации, которые явятся своеобразными ориентирами в типологической интерпретации ареалов. Изучая типологию ареалов, мы сможем перейти от эмпирических данных лингвистической географии к их интерпретационному анализу, подняться с уровня регистрации фактов на уровень их объяснения, ибо «смысл лингвогеографического метода – в его эвристических возможностях, в том, что пространственное распределение языковых феноменов диагностирует их временную развертку, их генезис» (Мартынов 1983, 5).

Литература

- Вендина Т.И. (2010), *Общеславянский лингвистический атлас и проблемы методологии лингвистической географии*, Известия ОЛЯ, t. 69, №5, с. 3–14.
- Вендина Т.И. (2011), *Типология восточнославянских ареалов*, в: *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 2009–2011*, Москва.
- Макаев Э.А. (1965), *Проблемы и методы сравнительно-исторического языкознания*, Вопросы языкознания, № 4, с. 3–19.
- Мартынов В.В. (1983), *Язык в пространстве и времени*, Москва.
- Толстой Н.И. (1997), *О некоторых возможностях лексико-семантической реконструкции праславянских диалектов*, *Избранные труды*, Т. I, Москва.
- Трубецкой Н.С. (1987), *Фонология и лингвистическая география*, в: Н.С. Трубецкой, *Избранные труды по филологии*. Москва, с. 31–36.
- Трубачев О.Н. (2003), *Опыт ЭССЯ: к 30-летию с начала публикации (1974–2003)*, в: *XIII Международный съезд славистов в Любляне. Доклад пленарного заседания*, Москва, с. 19.
- Жирмунский В.М. (1954), *О некоторых проблемах лингвистической географии*, Вопросы языкознания, № 4, с. 3–25.